

Михаил Гундарин

«Сияющий потолок»

Михаил Вячеславович Гундарин, родился в 1968 году. Поэт, прозаик, литературный критик. Автор 8 книг стихов (последняя по времени – «Простые слова», 2020). Как поэт публиковался в журналах «Знамя», «Урал», «Дружба народов», «Юность», «Алтай» и др. Живет в Москве.

1990, Ноябрь

Высоких этажей усталые огни
Как россыпь мелких бус не подлежат обмену
На деньги и вино, но именно они
Удачнее всего подсвечивают сцену,
Где пьяная Москва, вдыхая креозот
Безумного бомжа на грязной остановке,
То чиркнет коготком, то весело лизнет
Шершавым языком обшарпанной Покровки.
Новейших катастроф дождливая тоска,
Провинции в огне, Калининский в тумане...
Бреду сквозь эту ночь, кончается доска,
Шажок – и я уже в заплатанном кармане
Единственной страны, на дружеском пиру
Всех павших и живых, том самом, знаменитом,
Где пьются коньяки под черную икру,
Где сигареты Kent и солнце сверх лимита.

* * *

Как увидишь Будду, пронзи её,
Говорил во сне комиссар.
И пускай окраинное копьё
Жестко трогает небеса.
А я кончил пить, ушел из гостей,
В голове теснятся слова.

Обо мне написано в стоп-листе,
Обо мне бормочет трава.
В летнем небе плавают пузыри,
Разноцветные, словно шёлк.
Золотые стелются пустыри,
Чтобы я до дома дошел.

Сентиментальная прогулка

Остыла в чашке ртуть
Легла косая тень
На мой обратный путь
В непоправимый день
Мне сказано: забудь,
Веселое надень

Но я туда пойду
Через прохладный сад
Предчувствуя беду
Как 20 лет назад
Как яблоки в саду
Созвездия висят

О звездный кальвадос!
Желанный алкоголь!
Мне нужен твой наркоз
Чтобы усилить боль
Чтобы в крови мороз
И на глазницах соль

Ночное воровство
Порожня руда
Не признает родство
Вчерашняя звезда
Прошедшее мертво
И это не беда

Но был же этот день
А после был закат

Невидимая тень
И ночь и дом и сад
И жесткий как кремь
Холодный звездопад!

* * *

Лежащий целый год
на травянистом дне
немногое поймет
в столичной болтовне.
Лишь Яузы язык,
промытый до корней,
исчезнувший постиг
до высших степеней.

(Уйдя на карантин
смотреть, скрывая страх,
парад живых картин
во влажных небесах)

Весна, ему ответь,
огнем поговори,
классическую медь
по небу разотри.
Пускай плывет закат
над грязною волной,
и падает каскад
салюта проливной.

* * *

Эти струны будут возмущены,
Несмотря на то, что поднявшись в рост,
Хлебным мякишем утренней тишины
Я замазал дырки на месте звезд.
Таково воскресенье: проспав полдня,
Посмотреть наверх, покидая дом,
Хорошо, что видящие меня
Вспоминают прошлую ночь с трудом.

Это я по небу пустил волну,
Обвалил сияющий потолок,
До утра стаканом ловил Луну
И почти поймал, да поспать прилег.

Песня

Мысленно сойдя с карусели
Чувствуем: земля-то поката.
Метров сто прошли и присели
Дальше нет нам хода, ребята.

Может, это ночь под ногами?
Мы там были, нынче в отъезде.
Затупившимися топорами
В лопухах ржавеют созвездья.

Мир да упокоится в этой
Черно-белой точке смещенья
От неутомимого света
К полной остановке вращения!

* * *

Я хотел бы эту ночь разглядить,
Разглядеть ее, зарифмовать.
Звезды нарисованы в тетради –
Я под вечер сжег свою тетрадь.

И теперь почти неразличимым
В метрополитене тростника
(простаком, подростком, анонимом)
Ночь переживу наверняка.

Чтобы с наступлением рассвета
Ускользнуть по тонкому лучу
За пределы старого запрета...
А про новый думать не хочу.

На кухне

Полночь бродит долгими кругами,
темная, невидимая нам,
розовым вином и пирогами,
потчующим сонный Инстаграм

Хороши в Москве крамольной зимы!
Горячи, румяны пироги!
Кажется, что мы неуязвимы..

Но уже сужаются круги.

Ночной троллейбус

В сторону Серебряного Бора,
(как темна листва его густая!),
по волнам ночного разговора
движемся, почти что засыпая.
День был жарок, полночь – неизбежна,
за окном то смерть, то бакалея.
Приближаясь к линии прибрежной,
замирает старая аллея.
И уже невидимы ансамбли
новых зданий, слепленных по-птичьи.
Созданный единым взмахом сабли
жесткий берег ждет своей добычи.
Нужно стать прозрачней, неприметней
стеклышка троллейбусной теплицы,
чтоб исчезнуть с девяностолетней,
так и недописанной страницы!

Новогоднее

Мне этот оливье –
вообще чужое блюдо.
И все ж привет семье,
невидимой отсюда.

Еще или уже
они в 80-х
на верхнем этаже...
...В-четвертых или пятых,
не трогайте меня!
Себе оставьте сдачу!
Я сам остаток дня,
я сам себя потрачу.

* * *

То сожмется, то разожмется,
Птичьей дрожью полным-полно,
Словно смотрит со дна колодца
В занавешенное окно.
Мертвым звёздам снится немного,
И одно и то же всегда –
Опрокинутая дорога,
Нарисованная вода,
Старый дом с кривыми углами,
Где вот-вот закроет глаза
Жизнь, завязанная узлами -
Воспаленная железа.

* * *

Веселая тоска венецианских зим,
божественный мотив под номером четыре.
Он умер, но смотри, остался негасим
и медленно плывет в предпраздничном эфире.
Лови, покуда он – полупрозрачный шар
из рыбьей чешуи сияющего моря
(рисованной страны несмелая душа,
блаженное окно в стене ночного горя).